

## Власть: Невыносимый гнет

Государственный переворот в России, о котором так долго рассуждали разномастные аналитики, свершился. В марте 2004 г. к власти в стране пришел ее президент - Владимир Путин.

Главным вопросом неформальной, глубинной, скрытой от поверхностного взгляда дежурных аналитиков повестки дня первого срока Путина было преодоление внутреннего кризиса легитимности. В 1999 - 2000 гг. нынешний президент не завоевал власть, но получил ее на блюде с кровавой чеченской каемочкой из рук политико-экономической группы, ассоциируемой с членами семьи Бориса Ельцина. Роман Абрамович, Татьяна Дьяченко, Валентин Юмашев, Александр Волошин выбрали Путина, поскольку этот либерал с чекистским прошлым устраивал их по нескольким основополагающим критериям:

- не предатель (здесь уместно вспомнить, как директор ФСБ Путин помогал своему опальному учителю Анатолию Собчаку) ;
- предсказуемый человек строгих рамок, который, в отличие от его предшественника, никогда не выйдет из берегов;
- любит атрибуты власти, но не самую власть;
- всегда предпочтет стабильность неизвестности и риску;
- понимает, сколь тяжел груз государственной ответственности, и потому не захочет брать на себя слишком много.

В целом на протяжении первых трех лет своего правления Путин этим представлениям соответствовал. Источником легитимности президента оставалось соглашение между субъектами элиты ельцинского призыва. Гарантом соглашения был не сам президент, а шеф его администрации Александр Волошин. Последний, по сути, и выполнял значительную часть функций главы государства. Кабинет Михаила Касьянова, в свою очередь, обеспечивал реализацию основных положений соглашения на экономическом поле. Путин же играл роль буфера между элитой 90-х гг. и российским народом, который так и не принял основополагающие ценности феерического минувшего десятилетия. Популярность президента и его непосредственный контроль над силовыми структурами служили гарантией того, что народ не взбунтуется против сложившегося политико-экономического порядка. Другой важной задачей Путина была легитимация российского крупного и сверхкрупного бизнеса в международном масштабе: никому не хотелось повторения дела Bank of New York.

Но с течением времени роль адвоката ельцинской элиты стала тяготить второго демократически избранного президента РФ. Он не мог завершить свой первый срок, не дав самому себе - и подспудно обществу - ответ на вопрос: что есть источник его власти? Многонациональный народ России, как сказано в Конституции, или же несколько ФПГ, воспринимающих президентскую власть как свою собственную, "домашнюю" политическую надстройку?

И Путин выбрал первое. Не в последнюю очередь им двигало желание привести свою безграничную ответственность за страну, которая вопреки бравурным репортажам государственного ТВ находится отнюдь не в блестящем состоянии, в соответствие с реальным объемом полномочий и статусом президента. Который отныне не менеджер, нанятый консорциумом крупных собственников для реализации их бизнес-плана, а, как и принято в России, богоданный верховный правитель, которому в политической системе страны нет и не может быть равных.

Концептуальное сражение с элитой 90-х гг. Владимир Путин выиграл быстро, легко и не без блеска. Вернее, его бездарно и позорно проиграла ельцинская элита. Президент, будучи сильным психологом, правильно выявил основные болевые точки, комплексы и фобии своего коллективного оппонента. В ходе короткого дымного сражения выяснилось, что:

- элита 90-х не располагает целостной идеологией; тезис "мы оказались в нужное время в нужном месте, и потому наши права священны" оказался не слишком убедительным; у элиты не нашлось ни одного реального аргумента даже для того, чтобы вызвать в народе жалость к узнику следственного изолятора Михаилу Ходорковскому;
- вчерашние хозяева жизни полностью перестали соотносить себя со страной, в которой живут, - Барвиха и Жуковка показали им подлинным воплощением русской деревни; разгром СПС и "Яблока" на думских выборах стал тому ярким подтверждением;
- элита 90-х гг. может функционировать лишь в режиме тотальной симуляции и в условиях неограниченного доступа к государственным ресурсам; отстаивать свои интересы, лежа в настоящем окопе под самым что ни на есть подлинным артобстрелом, она не способна и не готова.

В борьбе за собственную власть Путину помог и "синдром юриста": для президента строгое, "красивое" правовое обоснование тех или иных явлений и действий зачастую важнее, чем их реальное содержание. Оппоненты Путина, привыкшие к приоритету неформального над формальным, к относительности и необязательности писаных законов, и здесь ничего не смогли противопоставить хозяину Кремля. Возьмем хотя бы президентские выборы-2004: кто отважится утверждать, что с правовой точки зрения они не являются чистыми и честными? Все кандидаты зарегистрированы, имеют доступ к общенациональным телеканалам, даже ошибка с трансляцией встречи Путина с доверенными лицами и та компенсирована предоставлением эфира Харитонову и Хакамаде. А невидимый административный ресурс, из-за которого выборы объявляют "несправедливыми", к делу не подошьешь. Иными словами, Путин-законник показал, что на юридическом поле его не переиграешь, а "понятия", по которым шла борьба в предыдущие 12 лет, больше не действуют.

Путинский блицкриг состоялся еще и потому, что элита 90-х так и не смогла понять одну несложную, но очень важную вещь: не она привела Путина к власти, но - логика российской истории. Путин стал главой государства четыре года назад, потому что стране был остро необходим такой лидер - молодой поджарый солдат-созидатель. Объективно идущий на смену Ельцину, неумемному медведю-разрушителю, пахнущему похмельем. В решающий момент Путин оседлал историю, и та его не подвела.

Наконец, опыт выигранного Путиным сражения еще раз демонстрирует: не может быть сильным и устойчивым правящий слой, в системе базовых ценностей которого отсутствует понятие "национальные интересы". Страна в сражении всецело встала на сторону Путина, а попытки жаловаться на президента в Вашингтон ни к чему, по сути, не привели. Америка ясно дала понять: она, быть может, и оторвет нынешнему российскому президенту голову, но сделает это тогда и только тогда, когда это будет остро необходимо ей самой - с точки зрения национальных интересов США. А спасти российских политико-исторических банкротов сверхдержава не собирается.

Путин победил. И - остался один. У него нет своей элиты, нет никого, кто разделит бы с ним ответственность за предстоящие четыре года бесконечно тяжелых реформ. Как сказал

поэт, "прославим роковое бремя, которое в слезах народный вождь берет, прославим власти сумрачное бремя, ее невыносимый гнет" (это стихотворение Осипа Мандельштама "Сумерки свободы" 1918 г. вообще стоит перечитать целиком).

*Автор - президент Института национальной стратегии Станислав Белковский.*

**Источник:**

**Белковский Станислав. Власть: невыносимый гнет. *Ведомости*. 2004, 12 марта.**